

17-7 СЕН 1987

ЧТО испытывает актриса, которая никогда не играла принцесс и примадонн, не блистала на сцене в королевских нарядах и не ей предназначались признания сценических героев? Галина Климентьевна Макарова, народная артистка СССР, актриса Академического театра имени Я. Купалы не считает, что судьба обошла ее. Хотя многие из ее ролей назывались просто: «баба Вера», «тетка», а некоторые были лишь эпизодом в спектакле, внимание зрителей было приковано к Макаровой.

за то, что не испытала или не пережила сама.

— А как же тогда мирились с ролями старух, которые вам щедро «распределял» в молодости педагог и режиссер Лев Литвинов?

— Знаете, он предвещал, что моя пора придет с возрастом. И, назначая меня «очередной старухой», говорил: «Запасайся впечатлениями, лет через десять пригодятся». Вспоминала старобинских соседей, маму свою — сухонькую, быструю, вечно озабоченную, как прокормить четверых ребятишек, ходила на базар, наблюдала там колоритные, яр-

— Шестьсот раз вы выходили на сцену Лушкой. Возникло ли стремление что-либо изменить в образе, созданном драматургом специально для вас?

— Если пропадает такое желание, значит, ты уже не актер. Я люблю переделывать свои старые работы, ведь радость не в повторении удавшегося, а в том, что в театре всегда чувствуешь себя ученицей. Не боюсь ошибаться, в нашем деле ошибка — это иногда завтрашняя удача. Несмотря на то, что образ Лушки мне очень дорог (вместе с моей героиней вышла «на орбиту» и я), никогда не играю ее одинаково.

— Ваших жизненных впечатлений хватит, пожалуй, не на одну антерскую судьбу...

— Жизнь не всегда щедрна на радость, но помнить стоит прежде всего хорошее. Этому учили меня друзья и наставники, с которыми выпало счастье работать: Л. Литвинов, В. Полло, Л. Ржецкая, Б. Платонов. А пережитое — это творческий багаж, обладая которым, можешь легко предположить, что делает твоя героиня за рамками пьесы. Если бы сама не трепала куделю и не ткала рушники, не доила корову и не ходила на покос, разве могла бы понять, что такое Лушкин «рогатый бастион»? А если бы не пережила тяжкие годы войны, разве сыграла бы Дарью в «Последнем шансе» В. Быкова? Да и впечатления молодости (работала санитаркой в больнице, занималась мотоспортом, ездила на тренировки на ипподром, училась) тоже не прошли бесследно. До сих пор считаю, что избыток времени просто расхаживает. Чтобы быть в форме, надо постоянно работать и размышлять.

— Тогда откройте секрет, где берете время для давнего увлечения цветоводством?

— Цветы и деревья — моя непреходящая любовь. Если бы меня не приняли в драматическую студию при театре имени Я. Купалы, наверное, стала бы агрономом. В любой свободный час, погожий день воююсь с землей. Не только на даче — на площадях и улицах столицы растут пятьсот моих кленов, тополей, берез, лип. Деревья уже давно стали большими, и мне радостно, что в тени их отдыхают люди. Ведь наедине с природой другим становится человек. Добреет душой, что ли. Ради одного этого стоит украшать землю.

— Галина Климентьевна, а над какой ролью вы работаете сейчас?

— Недавно снялась на «Ленфильме» в картине «Однолюб», уже идущей на экранах. Она о деревне, о судьбах — опять-таки — стариков, о крестьянской мудрости. В театре играю в пьесе «Порог» А. Дударева, в которой я получила роль матери. Пьеса привлекала тем, что в ней соседствуют высокое и низкое, горькое и смешное, светлое и темное, как бывает в жизни, как должно быть и в настоящем искусстве...

Л. ЛОМСАДЗЕ.
(БЕЛТА).

Клуб заочных встреч

И каждый вечер в час назначенный

Для актрисы ж любимый образ тот, в котором утверждает народность характера.

— Галина Климентьевна, наверное, это непросто — прожить в спектакле чужую жизнь как свою?

— Стараюсь создать образ, который не отличишь от реального человека. Может, поэтому женщины мои на сцене чувствуют и красоту, и драматизм жизни, зная, что им предназначены и счастье, и горе, и заботы, и раздумья не только о судьбе своей, но и всей страны... Очень разные мои Полины в «Трибунале», Оксана в «Таблетке под язык», Лушка-Лявониха в «Лявонихе на орбите» А. Макаенка, Лизавета в «Метели» Л. Леонова, Алена в «Людях на болоте» И. Мележа, а приглядитесь к ним внимательно, и вам покажется, что вы уже где-то их встречали: то ли в поле, то ли в крестьянской хате у печи, то ли на кирмаше, то ли на колхозном собрании. На сцену они попадают вроде бы для того, чтобы, рассказав о житье-бытье, снова вернуться домой, к своим делам. Сноровистым, лукавым, боевым, им хочется «немедленно навести порядок во всем мире», все они свято верят в человека, в доброту людскую. Я росла в простой крестьянской семье, моими односельчанами были именно такие люди, у них училась и душевной щедрости, и оптимизму, и сочному юмору. Правило у меня такое: не братья

кие характеры. Пожилые у меня получались...

— Режиссеры утверждают, что в кино они просто уникальны...

— Откровенно говоря, мне не попадалось еще одинаковой экранной судьбы. Мои героини одного возраста, но до чего разная и по-своему интересная у них жизнь! И у бабушки Мани Стрельцовой, составляющей свою внучку на путь истинный в «Молодой жене», и у бабы Шуры, образ которой словно символ вечной женской преданности и верности во «Вдовах», и в «Комедантском часе» у бабы Веры, которая спасает детей-сирот от фашистов, а сама погибает.

Перемена занятий сама по себе действует благотворно, несмотря на то, что в кино всегда есть элементы театра. Придирчива и к внешнему облику своих героинь, ведь на экране фальшь очень заметна. Правда, во «Вдовах», видимо, перестаралась. Пришла в столовую на «Ленфильме» в костюме бабы Шуры, а меня не пускают: «Сейчас артисты обедают будут, а для вас тут дорого». Наверное, и в самом деле жалкое впечатление производил мой облик. Но ведь и мной руководила острая жалость к хорошо знакомым мне людям, старобинским вдовам, на плечи которых столько горя взвалила война. Жизненная правда согревает любой образ подлинным чувством и, поверьте, совсем неважно, сколько лет твоей героине.